

пагляд» [1, с. 8]. Паэт падкрэслівае, што яго Радзіма, прайшоўшы праз жорсткія выпрабаванні гісторыі і часу, увасабляе няскоранае характэрава, чысціню і годнасць.

Шмат вершаў А. Письмянкова прысвечана ўласным вытокаам: «Балада роду», «Калі ў вёсцы маёй паміраюць дзяды», «Дзень нараджэння», «Чытаю тапаніміку» і інш. «Балада роду» напісана ў форме гісторыі, прамоўленай адным са сваіх дзядоў, у выніку чаго гаворка набывала важкі сэнс, бо паэтаў продак успрымаўся часцінкай усяго народа, які здаўна насыляў гэты куток беларускай зямлі: « – 3 Дняпра наш продак родам, / 3 зямлі Машэкаў і Вашчыл. / Гарачы норавам і сэрцам, / Як люд у нашай старане, / Вачэй радзіміцкіх азерцы / Крыху гарэзнікі на дне» [1, с. 10]. У гэтай яркай баладзе аўтар не толькі акцэнтэе ўвагу на павязі пакаленняў, а найперш падкрэслівае таленавітаць сваіх прашчураў, стварыўшых сапраўднае духоўнае багацце, якое наступнае пакаленне не павінна згубіць: «3 пяром і граматай у згодзе / Ён жыў. І незнарок, / Казалі, князь пры ўсім народзе / Яму імя даў – Письмянок. / Ён і пачаў баладу роду, / Вянец ён першы залажыў» [1, с. 10].

Тэма павязі пакаленняў галоўная і ў вершы «Дзень нараджэння». Праз падзеі Вялікай Айчыннай вайны, у якой загінулі абодва дзяды Алеся, праводзіцца думка, што менавіта ён павінен працягваць іх справу: « Адзін толькі бацька / маўкліва глядзеў у акно, / глядзеў, як зямлю завіруха бінтуе, / і, саўладаўшы з пякучай слязою, / вымавіў ціха: / – Ён будзе жыць за абодвух – / за Хведара і Кузьму» [1, с.75].

Паэзія Алеся Письмянкова вабіць да сябе нязмушанасцю радка і адначасова надзвычайнай ёмістасцю, філасофскай напоўненасцю. У сваёй творчасці паэт услед за Максімам Танкам глыбока асэнсаваў паняцці Радзімы, Бацькаўшчыны, Беларусі.

Літаратура

1. Письмянкоў, А. Я не памру, пакуль люблю: Выбранае / А. Письмянкоў. – Мінск : Маст. літ., 2000. – 319 с.
2. Танк, М. Мне пару крыл дало юнацтва : выбраная лірыка / М. Танк. – Мінск : Маст. літ., 2003. – 479 с.

Е. П. Жиганова (Беларусь)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ БЕЛАРУСИ

Одним из самых насущных вопросов современной белорусской русскоязычной литературы, в том числе и поэзии, является вопрос ее принадлежности к русской или белорусской литературе. По основному формальному признаку (языку) она, безусловно, русская литература. Однако ареал ее распространения и бытования в большей степени белорусский, то есть издается и распространяется подобная литература именно в Беларуси. Некоторые произведения становятся частью и русского культурного пространства благодаря тому, что многие русскоязычные литераторы Беларуси принимают участие в международных конкурсах и их произведения публикуются. Одним из факторов, способствующих распространению и популяризации русскоязычной поэзии Беларуси, является интернет.

В данной статье мы предлагаем посмотреть на вопрос определения принадлежности современной русскоязычной поэзии к одной из литератур с точки зрения ее содержания, в частности выявить особенности репрезентации концепта «белорусская литература» в поэтических текстах.

Под концептом мы подразумеваем «смысловую структуру, воплощенную в устойчивых образах, повторяющуюся в границах определенного литературного ряда (в произведениях, творчестве писателя, литературном направлении, периоде, национальной литературе), обладающую культурно значимым содержанием, семиотичностью и ментальной природой» (Н. В. Володина) [1, с. 19].

Концепт «белорусская литература» обычно репрезентуется в поэтических текстах посредством упоминания конкретных персоналий (Купала, Колас, Богданович и др.) и их творчества, эпиграфов-цитат, посвящений, аллюзий и реминисценций, отсылающих к произведениям белорусской литературы.

Знаковыми фигурами белорусской литературы являются Янка Купала, Якуб Колас, Максим Богданович, Максим Танк, Владимир Короткевич – именно эти персоналии чаще всего упоминаются в поэтических русскоязычных текстах. Их имена могут выступать в качестве маркера «белорусскости», как в стихотворении Георгия Киселёва «Гляжусь, гляжусь в ночную Беларусь...» («Глаза в глаза – гляжусь в леса, поля. // И где-нибудь на дальнем полустанке // Бескрайний шлах постелет мне, пыля, // Земля Купалы, Коласа и Танка»).

В двуязычном стихотворении Анатолия Аврутина «Трудно? Трудно! Но я держусь...» поэт прямо ставит проблему культурной идентификации в центр стихотворения, обращаясь к судьбам таких значимых для белорусов личностей, как Николай Гусовский и Максим Богданович: «Кто мы? Как же мы говорим? // Боль Гусовского, Смелякова... // Успыхни зоркаю, як Максiм, // Падаруй чалавеку слова». Сам факт использования двух языков в одном стихотворении, обращение к судьбам Гусовского, писавшего на латинском языке, и Богдановича, основную часть своей жизни прожившего в России, для которых вопрос национальной самоидентификации не был простым, свидетельствует о значимости данной проблемы для современного автора. Однако он осознает, что именно факт сопричастности творца двум культурам делают поэзию только богаче: «... Чуть покашливая, идет // Богданович, совсем мальчишка. // Ён, выхарківаючы жыцце, // Мову продкаў вучыў па кніжках. // Редкім словам яго утеш, // Принесенным с полей Отчизны. // Колькі цуду прыносяць у верш // Залатая яго русізмы!»

Также в контекст современной русскоязычной поэзии Беларуси входят и репрезентуются наиболее известные поэтические тексты белорусской культуры. Так, например, в стихотворении Бронислава Спринчана «Сокровенное» сопричастность природе и культуре придает человеку особую силу и ощущение почвы под ногами. Соблюдая культурно-историческую хронологию, автор сначала упоминает Франциска Скорину («Смолк петух. // И заиграл пастух. // Мягкий тембр старинной окарины // На светящейся земле Скорины // Нежит слух, и торжествует дух»), затем «Жалейку» Янки Купалы («Окарине вторит родничок, // И «Жалейка» раннего Купалы, // Та, что в памяти в юности запала, // Всколыхнулась музыкаю строк»), далее следует упоминание «Новай зямлі» Якуба Коласа, которая, по признанию лирического героя, «нынче духу моему опора» («Переливы бликов там и тут. // И так люблю мне под сенью дуба, // Вспоминая Коласа Якуба, // Выдохнуть душой «Мой родны кут...»). Неразрывно судьба лирического героя связана и с «Вянком» Максима Богдановича («Я смотрю на венчик василька, // И звучат во мне неотразимо // Строфы Богдановича Максима // Из его священного «Вянка») и с поэзией Петруса Бровки («Золотой вчера, уже седой // Одуванчик на дорожной бровке – // И строка «А дні ідуць...» из Бровки // Тихо наплывает в мой настрой»). В этом стихотворении видна неразрывная связь поэзии и культуры с природой, именно природа являлась и является источником вдохновения для поэтов.

Актуализация концепта «белорусская литература» происходит также посредством прямого цитирования, использования аллюзий и реминисценций. Так, в стихотворении Любви Турбиной «Беларусь» есть отсылка к «Случкім ткачыхам» Максима Богдановича: *«Но каюсь – давняя беглянка: // Легко любить издалека... // На белорусской вышиванке // Всплакну над синью василька»*.

Именно на стихотворение Максима Богдановича «Вулкі Вільні зіяюць і гулка грываць!» ссылается Радислав Лапушин в стихотворении «Из Максима Богдановича». По сути оно представляет собой перевод произведения на русский язык. Однако современный автор несколько отходит от строфики Богдановича: в оригинале в первой строфе использовано 4 стиха, в переводе – 5, как в остальных строфах. Тематика и проблематика стихотворения Радислава Лапушина ориентирована на произведение белорусского классика: *«Вьются улочки Вильни и гулко гремят! // Человечий поток нескончаемо длится, // Фонари зажигаются, окна горят, // Мчатся кони, трамваи тревожно звенят, // Блеск огней отражают потухшие лица»*. Эти строки созвучны оригиналу, лишь один образ выбивается из контекста Богдановича – тревожно звенящий трамвай. Сравните: *«Вулкі Вільні зіяюць і гулка грываць! // Вір людскі скрозь заліў паясы тратуараў, // Блішчаць вокны, ліхтарні ў гары зіхацяць // І гараць аганьком вочы змучаных твараў!»*

Концепт «белорусская литература» реализуется в современной русскоязычной поэзии также при помощи стихов-посвящений, которые не только касаются судьбы конкретного писателя (поэта)-адресата, но и реализуют более широкий культурный и общественно-политический контекст, обусловленный современными реалиями. Так, в стихотворении Майны Боборико «Владимиру Короткевичу» поднимается проблема исторической памяти и национального языка, в контексте которой и упоминается творчество Владимира Короткевича, благодаря которому *«...люди, что судьбу мостили, // Свои столетья пережили // Под Короткевича пером»*, поскольку именно писателю, который *«слог ковал не из обломков, // А белорусский свой язык // Глубинной мудростью постиг...»* удалось передать потомкам память о предках и белорусский язык. Памяти Владимира Короткевича также посвящено стихотворение Александра Дракохруста «Апрель в Королищевичах», где тема невозвратности прошлого сопряжена с ощущением грусти от потери.

В стихотворении Виктора Кудлачэва «Вечная дорога», посвященном Максиму Богдановичу, основной темой также является тема культурной памяти, в центре которой – личность и творчество поэта. Автор пишет о возможности быть сопричастным творчеству великого белоруса благодаря музею (*«Здесь домик старинный наполнен стихами. // С любовью на встречи приходим сюда...»*), где *«...музыка будет, как прежде звучать. // Вновь будут Максиму в любви признаваться, // Заветные строчки ему посвящать»*. Упомянув конкретный топос «старинный домик», имея в виду музей Максима Богдановича, расположенный в Троицком предместье Минска, автор наполняет стихотворение современным содержанием, актуализирует некоторые смыслы, темы, которые связаны не только с литературой, но, например, с архитектурой города.

В стихотворении Федора Гуриновича «Минский дождь» возникает образ бронзового Коласа и героя его поэмы «Сымон-музыка», которые как будто оживают под проливным майским дождем: *«Лей, мой вездесущий, чистый, лей! // Пусть дрожит река в гусяной коже. // Ну, Сымон-музыка, веселей! // Даже Колас выглядит моложе»*. И таким образом составляющие исследуемого нами концепта «белорусская литература» входят в новый концепт – «город», что обогащает оба этих концепта.

Современные русскоязычные поэты посвящают свои стихи как ушедшим поэтам-классикам, так и ныне здравствующим своим современникам: *Рыгору Бородулину* («В Беловежской пуще» Иван Бурсов, «В гостях у тишины» Владислав Лапушин), *Пимену Панченко* («Зеленый край...» Анатолий Аврутин), *Вениамину Блаженному* («Дом поэта» Любовь Турбина, «Памяти Вениамина Блаженного» Елизавета Полеес), *Анатолию Сысу* («Поэт» Николай Захаренко), *Алексею Жданову* («Светает в городе моем» Наталья Татур), *Григорию Трестману* («Ностальгия» Сергей Ваганов), *Анатолию Аврутину* («Да кто я такой...» Глеб Артханов, «Чую смущенной душой я пиита присутствии рядом...» Анатолий Андреев), *Любови Турбиной* («Мы на чужбине опять...» Глеб Артханов) и многим др.

Еще одним способом репрезентации концепта «белорусская литература» являются эпиграфы, позволяющие прояснить авторский замысел, задать присутствию определенный контекст.

Например, в стихотворении Александра Дракохруста «На Самарской луке» в качестве эпиграфа используется цитата из стихотворения А. Кулешова «Бывай». При этом цитата, на первый взгляд, очень обрывчатая, как отсеченная часть чего-то целого – «...звініць і плача май». В произведении автор по-своему развивает лирическую ситуацию, заданную белорусским классиком, выводя на первый план тему последствий чернобыльской катастрофы, которая случилась весной, о которой, спустя время, «ззвенит и заплачет этот пыльный и страшный, насквозь проникающий май!»

«Днесь красується весна...» – именно эти слова Кириллы Туровского выбирает в качестве эпиграфа к своему стихотворению Елена Агина. Судьба этого святого является темой стихотворения, которое проникнуто сожалением о невозвратности прошлого, скорбью, скорее, не о святом, а о человеке, который «рожден был матерью счастливой в мир когда-то», но этот мир оставил ради служения Богу.

Обобщая вышесказанное, еще раз отметим, что концепт «белорусская литература» в современной русскоязычной поэзии Беларуси реализуется посредством упоминания имен белорусских классиков и их произведений, прямого цитирования, аллюзий, реминисценций, посвящений и эпиграфов, отсылающих читателя к белорусской классической литературе.

Литература

1. Володина, Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения / Н. В. Володина. – М.: Флинта, 2010. – 126 с.
2. Поэзия русского слова : антология современной русскоязычной поэзии Беларуси : в 2 т.; редкол.: В. В. Гниломедов [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2019. – Т. 1. – 829 с.

В. І. Жук (Беларусь)

КАТЭГОРЫЯ ПАХУ Ў АНГЛІЙСКОЙ МОВЕ НА МАТЭРЫЯЛЕ НАЗОЎНІКАЎ ЛЕКСІЧНАГА ПОЛЯ «SMELL»

Для большасці людзей пах – слаба дыферэнцыяванае, інтэгральнае адчуванне, таму што ён вызначаецца агульным эфектам ад раздражнення нюхальных і нервовых рэцэптараў. Згодна з некаторымі крыніцамі, чалавек здольны якасна вызначыць больш за 17 тысяч пахаў [3, с. 98]. Успрыманне пахаў з'яўляецца неад'емным працэсам жыцця і актыўна вывучаецца рознымі навукамі, у тым ліку лінгвістыкай, дзе востра стаіць пытанне аб славесным кадзіраванні пахавых феноменаў і рэпрэзентацыі, інтэрпрэтацыі, класіфікацыі пахаў у мове і маўленні [2, с. 119–136].